

Расшифровка интервью

Дата: 22.10.2017

00:00:02

Мой отец примерно 1895 года [рождения]. Точно неизвестно, но по моим подсчетам [вышло] так. В детстве, практически в девятилетнем возрасте, он остался круглым сиротой. По информации, которой я располагаю, в 1910-1912 годах в Ингушетии активно стали открывать мусульманские медресе, то есть школы. Для этих школ не хватало пособий - религиозных книг, Коранов. Учили же на арабском языке. Тогда авторитетнейшие ингуши той царской Ингушетии собрали группу из четырех человек, чтобы отправить их в Ташкент за религиозной литературой. В этой группе оказался и мой дед. Они приехали в Узбекистан, точное место неизвестно. На обратном пути - железная дорога была, я так полагаю, только до Туркменистана - наступил пятничный вечер. По мусульманским канонам это время благоденствия, добрых дел. Принято угощать друг друга тем, что есть. Мужчины решили что-нибудь купить на следующем полустанке, чтобы отблагодарить людей в соседнем вагоне. Как мне рассказывали, [мой дед] спустился, купил хурму и другие фрукты и сложил [все] в полу своей черкески. Поезд тронулся, и дед, держа одной рукой полу с фруктами, зацепился за ручку вагона. Другая сторона черкески зацепилась и затянула его под колёса. Дед умер и похоронен там. Место захоронения мы не знаем. Так, у моего отца осталась только мать, а через четыре года умерла и она. Из села его забрали дяди со стороны матери по фамилии Кодзоевы. Мы Костоевы, а они были Кодзоевы. Дед жил у них до тех пор, пока не женился на моей матери.

00:05:47

А где они познакомились?

Где они познакомились, я точно не знаю, но известно, что отец ее похитил. По нашим обычаям это допускается. Как бы вам сказать... Не то чтобы похитил против ее воли. Он же круглый сирота - у него ничего не было, кроме маленького земельного участка в селе, где жили его отец и мать. Конечно, сватать ему было довольно сложно. А коль скоро они полюбили друг друга, он ее просто увез. Ночью подъехал на лошадях со своими товарищами и увез в дом дяди в селе Кантышево Ингушетии, село и поныне существует. Состоялось перемирие, а потом дядя сказал: «Теперь тебе нужно возвращаться в родной дом, который уже 20 с лишним лет пустует». Я полагаю, на участке была изба, вот они там и жили. Поженились они в 1929 году.

00:07:22

В конце 1941 года отца забрали в армию, хотя у него уже было четверо детей. Его забрали не в действующую армию, а в так называемую трудовую, которая рыла траншеи, заградительные сооружения под Ростовом. Тогда Ростов пал первый раз. Сколько он там был, я не знаю, но когда Ростов освободили, он вернулся домой. Вместе с ними, призванными участниками этих оборонительных строительных сооружений, бежали от войны и жители этих мест. С ними оказались две сестры из-под Воронежа. Бежали они уже из оккупированной территории, отходили к Северному Кавказу. Где-то там они и познакомились [с моим отцом]. Эти две женщины приехали на Северный Кавказ, стали работать в колхозе в селе Экажево, где мы жили. Примерно в 1942 году отец женился [на одной из них], русской женщине Ивановой Марии Ивановне. А её младшая сестра вернулась домой после того, как немцы были изгнаны оттуда. В 1943 году от этого брака родилась дочь, которая была моложе меня на год или два. Я же родился, когда отец [служил] под Ростовом. [Обе семьи] жили на одном дворе, но в разных избах.

00:11:17

А папа где-то успел поучиться?

Нет, он был человеком безграмотным, глубоко верующим, малообразованным. Он не учился в школе, мог расписаться в лучшем случае. Наступил февраль 1944 года. Приезжали солдаты, окружали дома, давали час, в течение которого нужно сесть в грузовик. Окружили и наш дом. Отца забрали рано утром, в пять часов, якобы на собрание. Оказалось, что мужиков со всего села собрали в школе. Потом сказали, что они окружены пулеметчиками, автоматчиками, а военные пошли по домам, к нам тоже приехали. Моя мать по-русски практически не говорила, наверное. А русская женщина начала выяснять, что происходит. «Вас должны депортировать, собирайте свои вещи», - говорят. Столько-то килограмм на душу населения. Она пришла в нашу избу и начала пеленать своего ребенка. В разговоре военные заподозрили, что [эта

молодая женщина] хорошо говорит по-русски. Она 1914 года [рождения], ей 30 лет тогда было. Они поинтересовались, кто она по национальности. Та ответила, что русская и добавила: «У меня ребенок вот». Ей сказали: «Ты можешь остаться здесь в своем доме, а этих мы забираем». Она говорит: «А отец? Он же там в школе окружен» – «Отец поедет с ними» – «Тогда я еду тоже. Куда они, туда и я». Всех погрузили в машину, привезли на станцию Назрань. В Назрани суматоха, муравейник, для распределения подаются вагоны – телятники, скотовозы. Со всех сел туда [людей] свозили, потом возвращались [за следующими].

00:14:51

А как ей объяснили, что происходит, почему их депортируют?

Ну, принята депортация и все – отправили всех в ссылку. О том, как это происходило, [мачеха] мне рассказывала в деталях, когда я уже был в зрелом возрасте, работал, стал генералом. Она показывала четыре тополя около железнодорожного вокзала, которые и по сей день, кажется, растут высокие. Говорит: «Я вас четверых сюда положила – свою девочку, нас троих (меня, мою сестру и братика старшего), – набросала всякое тряпье, с того дома принесла солому, дело было в феврале, и пошла добывать место в вагоне. Мать ваша не умела разговаривать, она сидела на вещичках». Вот в таком положении [людей] везли 27 дней. По дороге [некоторые] умирали, их хоронили. Об этом у вас много информации и без меня. В марте нас привезли на станцию Джалтырь Акмолинской области в северном Казахстане. Как везли, не помню. Я родился 8 августа 1941 года. Старший брат 1931 года [рождения], значит ему тогда было 12 лет. Второму старшему брату, если он 1936 года, было 8 лет. Сестра на 2 года старше меня, 1939 года, значит ей тогда было 5 лет, а мне – 3 года. А девочке Марии, если она 1943 года рождения, не было и 2-х лет. В таком составе наша семья стала проживать в овощехранилище. Я помню этот подвал. В 1944 году отец работал на железнодорожной станции. Мачеха тоже там – уголь грузили они. Старший брат первые годы в школу не ходил, пошёл в 1946 году. Самый старший брат вообще не стал [учиться], начал уголь собирать, топить же было нечем. Он помогал выживать. Вот такая была жизнь. Из периода 1946-48 годов помню, как к каждому пассажирскому поезду, который проходил через эту станцию, ссыльные дети прыгали и искали своих отцов, возвращавшихся с фронтов. Наш-то отец был с нами, он не был [в армии], кроме трудовой. А были [дети], которые своих отцов ждали с фронта. Прибывали поезда и из них всегда выходили люди с костылями, с перевязанной головой, с орденами. Мои сверстники и я с ними вместе бегали к каждому [поезду], смотрели на этих военных людей, возвращавшихся поездом, – нет, не он, нет, не он. Были и постарше дети, которые со мной бегали. Помню, с мальчишеским интересом [смотрели на них]. Каждый мальчишка хотел, чтобы тот, у кого много орденов, был его отцом. Подбегали, преграждали им дорогу, а они идут картошку купить на станции, молока бутылку или хлеба. Мальчишки посмотрят, убедятся, что это не их отец, и обратно бегут. Некоторые из моих ровесников все-таки дождались отцов с фронта. Что я еще помню из того детства? Помню, в 1947-48 годах со старшими залезали в вагоны с углём, пока поезд стоит. Если поймут, отведут в комендатуру. А в комендатуре будут наказывать, а мы-то маленькие – значит родителей. Топить же надо было в этом подвале. Пока поезд стоял, мы выбирали вагон, где лежит не рассыпной уголь, а большие куски. А когда он начинал трогаться и давал сигнал, мы заскакивали туда и, пока паровоз набирал скорость, сбрасывали в снег пять-шесть или даже десять вот этих больших угольных камней. Старшие учили нас, как прыгать с вагонов, чтобы не разбиться. Надо прыгать вперед, а не назад, потому что ударишься головой, разобьешься об шпалу или об рельсу. А если будешь прыгать по ходу поезда, то попадёшь в сугроб. Ничего страшного не будет – поковырнешься, поранишься. Уголь клали на санки, привозили домой, помогали топить печку. В 1949 году нас с этой станции Джалтырь перевезли в рудник, где были шахты. Он назывался Бестюбе Сталинского района той же Акмолинской области. Сказали, что там не хватает рабочих рук, что нужны шахтеры.

00:24:00

Нас погрузили в машину и перевезли туда. Это было весной 1949 года, я в этот год должен был пойти в школу. На ровном поле на окраине рудника все начали копать землянки, в том числе и наш отец. Брат и все мы ему помогали. Как выкопали, стали делать глиняные кирпичи – саманы. Из них выложили стены. Совершеннолетние и люди постарше пошли работать в шахту. В школу в этом году я попасть не смог, потому что все заболели корью. За один месяц в нашей семье умерли трое: два брата и сестрёнка по отцу. Это о чём говорит? О том, что никакой [медицинской] помощи элементарно не было.

00:26:00

Ещё в 1946 году у меня родился брат, ныне живой. Мы все лежали больные. Трое умерло, четверо выжили. После этого я отца помню только седым, весь стал белый. [Взрослые] работали на шахте. Старший брат уже вырос, ему было 16-17 лет, и тоже стал работать в

шахте. А я в 1950 году, уже будучи переростком, пошёл в школу. Там были разные дети – казахи, русские, в том числе, наверное, десяток спецпереселенцев и даже несколько сосланных семей поволжских немцев.

00:27:53

Дети открыто об этом говорили, что они переселенцы?

Как такового разговора об этом не было. Ну, увидишь в букваре или где-нибудь [еще] рисунок с горами – бежишь к отцу, показываешь и спрашиваешь: «Папа, это наша родина, вот тут написано, допустим, Махачкала. Да?» Он говорит: «Это не наша родина, но это рядом с нами, там недалеко». Когда уже в школе учился, нам попала газета. Не то чтобы их там постоянно выписывали или продавали, [скорее всего] выбросил кто-то. Сидишь, читаешь, [а рядом] на завалинке сидят ссыльные старушки, мужики – они же не умеют читать. Спрашивают: «Исса, что там написано в этой газете? Там не пишут, когда нас домой отпустят?». Я говорю: «Здесь об этом не написано ничего». Поэтому дети знали, что [они] ссыльные. Мы знали, что это сделал Сталин, все знали. Весной, когда снега сходили с пахотных полей, ссыльные женщины брали сумки с ремнем и шли собирать колоски пшеницы или овса, которые остались с осени. Перед пахотой ходили искать колоски эти. Я с матерью и мачехой тоже ходил за ними. [Мать] мне показывала, какие колоски [собирать], потому что [в основном] колоски были пустые, но попадались и те, где немножко зерен осталось, их-то я и складывал в сумку к матери. Другие в подоле собирали. Нередко, когда женщины собирали эти колоски, вдруг появлялся наездник – объездчик или тот, кому принадлежат поля, председатель колхоза. Так он галопом гонял по полю этих женщин, хлестал кнутом. Визг, крик, взрывались там. Всё происходило настолько жутко, что они проклинали его, всю эту жизнь и эту обстановку на нашем языке. Я помню одну женщину, он ей всю кожу кнутом снял. Ждали, когда он уйдет, и опять шли собирать колоски. Хорошо помню, как однажды по нашей улице рассыпную пшеницу везли на быках. Ящик стоит на арбе, а в этом ящике пшеница. Впереди сидит казах в шапке-треуголке – не знаю, [как она точно называется] – управляет быками. Мы подкрались, зацепились сзади, залезли и стали сыпать пшеницу себе за пазуху, предварительно перевязав рубашку бечевкой. Потом принесли ее домой и пожарили в жестяной баночке, которую нашли где-то.

00:32:00

5 марта 1953 года мы шли в школу. Напротив нее был большой клуб, это в руднике Бестюбе. И вдруг ни с того ни с сего висевший на стене огромный портрет Сталина оказался обмотан черной лентой. Сейчас понятно, что это знак траура, но тогда мы не знали, что это такое. Только начались занятия, всех в коридоре выстроили. Длинная школа – одноэтажный барак. Собрались все учителя. Впереди директриса – русская женщина, завуч и преподаватели. «Дети, умер наш вождь, наш учитель Иосиф Виссарионович Сталин, – и зарыдали, некоторые дети тоже. – Сегодня занятий не будет, мы отпускаем всех домой». Заплакал стоявший рядом со мной мальчик по фамилии Саттаров. Точно не помню, но на 99% [уверен], что ссыльные дети восторженно закричали. Ещё раз говорю, на 100% не помню, но восторг у ссыльных детей был. Когда нам сказали, что занятий больше не будет и мы все разбежались, я с этим Саттаровым, который сидел со мной за партой, подрался во дворе школы. Спрашивал его: «Зачем ты плакал?» Помню слегка подтаявший снег. Во время драки, пока мы барахтались, меня подняли за шиворот какой-то огромной силой. Смотрю, это Гурбанский – комендант над спецпереселенцами. Меня, конечно, охватил ужас. Он знал каждого ссыльного ребенка, не только взрослых.

00:36:00

Он сильно ударил меня об землю и сказал: «Иди вперед». Саттарову тоже сказал идти вперед, мальчик немножко всхлипывал. Мы пошли. Он нас вел в комендатуру, мы знали это здание – три раза в месяц туда ходили отмечаться мои родители и все спецпереселенцы. Ситуация в моём детском сознании была, конечно, ужасная. Мы же знали, кто такой Гурбанский. Он как только появлялся – в военной форме шел по улицам – все дети бежали [и кричали]: «Идет Гурбанский, идет Гурбанский». Когда мы стали подходить к этому обитому высокими досками зданию комендатуры, нам навстречу шли муж с женой, явно интеллигентская семья. Мы прошли их, а комендант остановился, стал о чем-то с ними говорить. Нам кричит: «Около забора дверь, туда зайдите, я сейчас приду». Уже оставалось метров 15, наверное. Я поравнялся с этой дверью и мимо сиганул. Мне казалось, что за мной будут сейчас [гнаться], стрелять.

00:38:00

Выбежал на узкоколейку, по которой возили руду, и бежал куда глаза глядят. Когда немножко

успокоился, уже далеко отбежал, увидел дома таких же ссыльных, их мальчики учились со мной, только в других классах. У меня телогрейка и сумка остались в школе. Я же не могу прийти домой без куртки. Какая куртка – телогрейка отцовская. И сумки – тетради там мои. Я забежал к ним, там женщина вязала шерсть на веретено. По моему виду она сразу поняла, что я что-то наделал. Спрашивает: «Ты что наделал?». Я думаю, как она так быстро узнала. Я говорю: «Ничего не сделал. А Хусейн дома?» – «Нет, еще не пришёл. Зачем он тебе нужен?» – «Я хотел, чтобы он забрал мою сумку и телогрейку, вынес со школы, чтобы я мог пойти домой». Долго их не было. Думаю, где они могли бы быть, на лед, наверное, поехали кататься. Окольными путями я подошел к школе с тыла и перелез через задний забор. Взял сумку с тетрадями, телогрейку и пошел домой. Смотрю, дома траурная обстановка. Мать сидит плачет, мачеха не плачет, но очень удручена. Сосед успокаивает мать, говорит: «Ничего, придет он, придет».

00:40:00

Оказывается, пока я там куролесил, пришел милиционер и забрал отца в комендатуру. Потом другие соседи пришли. Пошел в другую комнату нашей землянки, сижу там, конечно, по-детски переживаю очень. Потом старший брат пришел домой с шахты. Ему сообщили, что отца забрали неизвестно за что. А я-то знаю, [точнее] подозреваю, что это связано с моим происшествием в день смерти Сталина. В общем, через какое-то время мы услышали громкий разговор. Появляется отец, раздевается и говорит: «А где Исса?» Мать сказала, что я в комнате. Слышу: «Иди сюда». Сидят сосед, мать, старший брат – все. «Исса, неужели ты думал, что, если не подерешься, этот Сталин оживет? Его забрал более сильный Сталин. Ты причинил нам очень большой ущерб, – сказал отец на нашем языке и обратился к матери. – У нас есть деньги?» Она принесла кошелек, отец вытащил 10 рублей и сказал старшему брату: «Там милиционер стоит, на санях его привезли, на лошади. Съезди с ним к коменданту, заплати 10 рублей штрафа и обязательно возьми квитанцию о том, что ты заплатил». Вот так мне запомнился день смерти Сталина. В школе никаких обсуждений по этому поводу не было, но комендант вот так [поступил].

00:42:27

[Неразб.]

Что я чувствовал? Я торжествовал. Но мне было обидно, что из-за смерти Сталина плачет вот этот мальчик, который сидит со мной [за одной партией]. В моей душе, в моем сердце жила эта жестокая ненависть от осознания того, что со мной поступают несправедливо и что все эти муки, все эти страдания исходят от этого одного человека. Я помню, как женщины, когда колоски собирали, там уже, где солома стоит, сядут, [достанут] сыр, хлеб, сухарь и начинают петь. И в песнях тех были слова, Сталину посвященные: чтобы ты не лежал там, где будешь захоронен. Он еще был живой! Когда его перенесли из Мавзолея, призывы этих несчастных людей из 1940-х сбылись. Он не лежал там, где был захоронен. Перезахоронили же. Представьте себе! Дальше жить стало немножко легче, конечно.

00:44:00

Наступил 1957 год, я только перешел в восьмой класс. Стали выходить указы, в том числе о восстановлении Чечено-Ингушской республики. У нас уже была корова и бычок, изба наша, которую мы сами строили. Все это мы продали и решили ехать домой, от рудника там километров 200. Приехали до ближайшей станции – город Акмолинск, нынешняя Астана, столица Казахстана. Везем весь свой скарб домой, и тут нам сообщают, что выезд репрессированных, депортированных людей запрещен. Ни одного человека не пускать, билеты не продавать, вагоны не выделять. Все из-за большого наплыва, якобы Чечено-Ингушетия не может принять такое количество возвращающихся людей. Что делать? Провели несколько дней на вокзале, потом отец сказал: «Неизвестно, когда этот запрет отменят».

00:46:00

Мы сняли дом у казахов. Я уж в восьмом классе, учеба моя пропала. Потом сказали, что надо кому-то поехать на Кавказ. У меня ещё не было паспорта, надо было взять у старших, там на Кавказе у кого-нибудь прописаться, нелегально вернуться обратно в Акмолинск и уже, предъявив эти паспорта (мы, мол, были на Кавказе и едем домой), таким образом уехать. Я вместе со старшим братом, у которого уже были жена и ребенок, поездом нелегально поехали на Кавказ через Москву, прячась от контролеров. Приехали в Москву в конце декабря 1957 года или, возможно, даже уже в начале 1958-го. Я не хотел ничего, кроме как посмотреть на Сталина, мне было очень интересно. Брат меня ругал – нам некогда, надо на пересадку. А я с Казанского вокзала убежал, поехал на Красную площадь, отстоял очередь, посмотрел на этого

идола. Большая разница была между тем, каким я его запомнил на портретах - величавого человека, такого красивого - и тем, какое уродство я увидел! Я в сторону Ленина и не смотрел, даже сбился с ряда. Меня охранник затолкал обратно, потому что я не успокаивался, все глядел на него, оглядываясь. Приехали на Кавказ, дома нашего не было - все заросло бурьяном, развалины только оставались. Было видно, что там когда-то было жилье. Нам удалось найти каких-то двоюродных, троюродных родственников, которые уже вернулись. Прописались [у них], а вернуться [у семьи] уже не было средств и возможностей. Дело к весне шло. С чем ехать? Дома нет, ничего нет. Решили остаться еще. Сначала поехали на заработки - дома строить, кошары - с братом, мачехой и отцом. Потом я пошел работать учеником автослесаря и узнал в школе рабочей молодежи, что можно сдать экзамены за восьмой класс и пойти сразу в девятый вечерней школы. Я нашёл эту школу, получил книги, сдал экзамен и 1 сентября пришел в вечернюю школу, которую и окончил. Два младших брата мои выросли, значит там мы и жили. Я учился и работал.

00:50:02

Вы хорошо учились?

Я всегда хорошо учился. В 1960 году, уже заканчивая 10 классов вечерней школы, мне пришлось быть переводчиком на суде, где судили расхитителей, которые воровали грузы из контейнеров на железнодорожной станции в Акмолинске. Среди них - два моих соотечественника, которые потребовали переводчика. Каким-то образом нашли меня. Я сидел там в качестве переводчика и видел, что делает прокурор, что делает судья, что говорит адвокат. Есть книжка, которую написал американский писатель Ричард Лурье. Когда он стал делать обертку, спросил меня: «Что бы вы хотели сюда эпитафией вынести?» Мы сидели, чай пили, и я ему говорю: «Напиши там: ничто так больно не ранит мне душу, как несправедливость, исходящая от власти».

00:52:01

У меня сохранилась обложка, где так и написано. Я был всегда привержен справедливости. И я думал, что мне удастся от всех несправедливостей освободиться. Так я выбрал специальность юриста и поехал поступать в Алматинский университет. Мы осели в Казахстане, над нами не было комендатуры и на Кавказ мы уже не торопились. Условия жизни стали более-менее приемлемыми, хотя ехать нужно было. Потом младшие мои подросли, позаканчивали школы, поступили в институты.

00:53:15

А родители как-то повлияли на ваше воспитание, вот на это чувство справедливости?

Во всяком случае на эту тему отец со мной не говорил. Хотя по природе своей это был очень богобоязненный человек, для него справедливость - самая суть всей его жизни. В выборе моей специальности он не участвовал. Я сказал, что буду юристом только потому, что на себе испытал, что значит несправедливость. Я поехал в Алма-Ату, в первый же год поступил, прошел по конкурсу.

00:54:00

В 1965 году я закончил университет. Состоялось распределение. Я был направлен по моей просьбе на Кавказ, в Северную Осетию. В Чечено-Ингушетию не поехал, хотя была такая возможность. Мои братья - младший и старший - и мама остались в Казахстане, в Астане, то есть в Акмолинске. Отец с мачехой переехали и на нашем семейном участке, откуда мы были депортированы, начали строить избу. После смерти той девочки, которая была моложе меня, у них родились еще двое детей - девочка и мальчик. Сейчас они уже пожилые люди, им больше 60 лет. Мачеха умерла. Я приехал в Осетию, работал там почти 10 лет. В 1974 году был переведен в Москву, в генеральную прокуратуру России, потом Союза. Вот говоря о картинках казахстанской жизни, о репрессиях, обо всем, что мне запомнилось, что в моей жизни осталось, если исключить, может быть, какие-то [моменты], на закате жизни, после всего, что пережито, будучи и общественным человеком, и политическим, депутатом, сенатором и прокурором, в каждодневной реальности, в которой мы живем, я пришел к одной такой мысли. Сталинские репрессии были по самым разным мотивам - изменил родине, предатель родины, служил такой-то разведке, передавал сведения таким-то, настроен против политики партии и правительства и так далее. Все это репрессии, жесточайшие репрессии. Выдающиеся умы отдали свои жизни ни за что, из-за этого чудовища, которое оказалось у власти, и его сподвижников. Но в этих самых страшных репрессиях, которые на протяжении всех этих лет совершались, самое жестокое, самое тяжелое - репрессии, учиненные по принципам национальной принадлежности. И знаете почему? Не дай Бог, если ваш дед или прадед был

раскулачен, его признали врагом Советской власти, расстреляли. Или отца осудили во время войны, расстреляли как предателя. Вы живете нормальным человеком, к вам нет никаких претензий. А вот над теми, кто был репрессирован сталинским режимом по признаку национальной принадлежности, это клеймо незримо висит и сегодня.

00:59:06

В чем это выражается?

Во многом. Не будем [уходить в] детали. Слава Богу, я прошёл очень серьёзную школу жизни. А, это ж ингуши - во время войны они были предателями. Это осталось! Это осталось, это живет. Оно не выплескивается! Чеченцы всю жизнь были против Советской власти, против России. Их сослали. Об этом не говорится, об этом не пишется. Но это живет, и мне никто не докажет, что это не живет. К сожалению.

01:00:00

Удастся ли окончательно вытравить это? Когда ты говоришь: предатели. А как это? Если там не было немцев? Наступления войск туда не было, только один единственный десант, выброшенный немцами в горах Ингушетии и Чечни, чтобы вести там подрывную деятельность. При их уничтожении убили моего тестя, отца моей жены, который служил в НКВД. Туган Гудиев, капитан. Он был начальником отдела борьбы с бандитизмом. Моей супруге, когда его убили, было три месяца. Его жену вместе с пятью детьми, в том числе с моей будущей женой, выселили. Они где-то жили, тоже потеряли часть своих людей и вернулись на Кавказ. То есть это всё не имеет никакой почвы под собой. Но дело в том, что, если бы был репрессирован мой дед, был расстрелян мой прадед, расстрелян мой отец как предатель, как изменник родины, это бы забылось. Но не когда на национальной почве. Хоть мы и пишем гражданин России, все равно продолжаем: ингуши, Чечня - они же во время войны были изменниками. Вот почему я считаю, что из всех видов репрессий, которые устраивал Сталин, это самое страшное и самое живучее по своим последствиям, не дающие нам возможности и сегодня до конца открыто осудить эти [действия]. Когда начинают коммунисты доказывать, какие бы они государства построили, а ты им скажешь, что Сталин - это человек, которого надо 1 000 раз оживлять и столько же раз снова уничтожать, тебе ответят, мол, правильно он вас ингушей выселил, вы же предатели. Вот и все. Поэтому я считаю, что репрессии по признаку национальной принадлежности, от которых пострадали карачаевцы, чеченцы, ингуши, калмыки, так легко не вытравятся. Были политические заключенные, умерли в колониях, забылось это дело. Ивановы, Петровы, Сидоровы - масса! Может быть, даже больше, чем эти народы потеряли. Но оно не живет так в обществе, как репрессии, совершенные по принципу национальной принадлежности. Вот такие мысли мне приходят, когда речь идет о репрессиях.

01:04:02

А в чем были истинные причины депортации, как вы думаете?

На Кавказе, населенном малочисленными народами, всегда, во все времена была коррупция, фамильно-клановые разделенности этих обществ. Власть была зависима от национальных обычаев, традиций. Были разбой, грабежи, воровство, уклонение. В этом смысле чисто общеуголовные преступления на Кавказе были. Но, если все репрессированные народы собрать, там наберется от силы десятков богатых ингушей, которые были образованы в Петербурге и после революции уехали за границу. Все ингуши их знают, их потомки сегодня здесь живут. Если были бы предатели - какие-то офицеры - мы бы знали, нет их просто. Была уголовная преступность, была межнациональная рознь - на чеченцев и ингушей повлияло вот это. Но именно к ингушскому народу - личные вопросы Сталина. Я очень много прочитал книг, публикаций, ему посвященных. Я все-все перебрал. О матери Сталина мы все знаем. Где она похоронена, все знают. Так? На могилу к ней он ездил, его дочка ездила, его сыновья ездили. А кто-нибудь на Земле знает, где его отец? А ведь отец не один. Может быть, у отца был дядя двоюродный, троюродный, четверюродный - у нас на Кавказе это же до 10-го колена. А пусть мне назовут хоть одного человека по линии его отца. По линии матери - да, она грузинка у него. Она Сванидзе, известный человек, все ее знают. И он уважал ее. А об отце его и не скажут. Все это очень-очень-очень личное и неисследованное до конца. Версия о том, что вот там немцы... Ну если их не было у нас, не дошли до нас. Первое столкновение между Ставропольским краем и территорией Чечено-Ингушетии произошло в Малгобеке, который, кстати, признан городом воинской славы. Ни один немец на территорию Чечено-Ингушетии не заступал. Ну, сбросили несколько бомб на нефтьвышки с самолетов - все! Потом их гнали до самого Берлина. Все это очень тяжело. Время прошло, а люди там остались, похоронены навсегда - ни могил их, ничего. Там у нас четверо, у других целые семьи остались. Вот это не вернешь. Но люди, которые вернулись оттуда, на них тень, брошенная при депортации, все еще незримо живет. Только это меня беспокоит.

01:09:13

А реабилитацию вы получили?

Какую? Я жертва политических репрессий.

01:09:26

А свидетельство у вас есть?

Да, у меня есть свидетельство, удостоверение жертвы политических репрессий.

01:09:33

Для вас важно было получить?

Нет, для меня это не важно. Когда человека осуждают, признают убийцей, а через время говорят ему, что наказали незаконно, реабилитируют и дают справку, что он не виноват, в памяти людской он не перестает быть тем, кем его назвали. Льгота там - 50% квартплаты. А у меня 12 внуков, пятеро детей. В нашей квартире моя часть - это, допустим, 10 метров. И за эти 10 метров из-за того, что я жертва политических репрессий, с меня будут удерживать не два рубля с чем-то за метр, а один рубль с чем-то. Вот это компенсация, точнее льгота для жертв политических репрессий.

01:10:53

Как вы к пионерии, к комсомолу относились?

Я был комсомольцем, членом партии, причём с 1968 и до 1992 года. Я был секретарем комсомольской организации курса юридического факультета. Со всеми пропагандируемыми идеями этой власти, за исключением непризнания религии, я был согласен. Я был патриотом и сегодня им остаюсь. 55 лет своей жизни я отдал службе, прошел через многое. Я много раз восстанавливал справедливость там, где, казалось, что это невозможно сделать. Я освобождал женщину, дважды приговоренную к расстрелу. Оказалось, что она вообще не виновата. И это не единственный случай.

01:12:16

А депортации там предшествовали всякие антисоветские восстания... вот ваши родственники как-то?

Никаких как таковых антисоветских восстаний не было. Были воровство, кража, предательство, взяточничество чиновников, круговая порука. Их эти немцы, эта война, которая шла где-то, [не волновали]. Они жили в своем мире. Да, среди них были патриоты, добровольцы, много людей, представленных к званию Герой Советского Союза, но они не получали звезду, потому что были репрессированы. Потом уже начали поднимать документы. Это ж надо было так сойтись этой кучке людей - Берия, Сталин. Я понимаю, ингуши, чеченцы, калмыки - малые народы. Но великий русский народ? Как можно было на протяжении 30 лет терпеть издевательства этих людей? Ну как? Какие великие умы были расстреляны, уничтожены, стерты с лица земли абсолютно по надуманным вещам. Я, например, глубоко изучая эту личность, пришел к выводу, что он был маньяком. Человек больной - это вне всякого сомнения. Я недавно читал вот этого... Депутат госдумы, корреспондент «Московского комсомольца», Александр...

01:14:31

Что он пишет?

Да про все. Про коррупцию, все время выступает по телевидению, про органы пишет. Вот он опубликовал [статью] о том, что обнаружены чемоданы Серова, начальника КГБ. Его личные архивы нашлись где-то в гараже в Одинцовском районе. Так вот, он опубликовал несколько подлинных материалов, где Серов пишет для себя, он же не думал, что [это обнаружат]. Там описывается, как [Сталин] заподозрил своего повара в том, что он работает на английскую разведку. Больной был человек. И вы знаете, я не удивляюсь этому. Почему, знаете? Ведь нельзя сказать, что он глупый человек был. На него неожиданно свалилась власть огромной державы. На человека с четырехклассным образованием. Семинарию и то не закончил, исключили.

01:16:00

Он же знает [все про себя]. Ну как это они будут терпеть то, что я управляю вот этой империей! Он же знает, что такое Русь, это же какие умы, какие столпы. Конечно, он метался, уничтожал все, откуда могла поступить хоть какая-то [угроза]. Собрал вокруг себя таких же.

01:16:44

Почему, когда вы были молодой, вы с вокзала поехали увидеть его тело? Почему для вас...

Мне было интересно, как [выглядит] этот человек. Я же видел его на портретах всю свою жизнь. Вы вообще видели портреты Сталина тех времен. Это же сверхчеловек, как Бог! А там лежит кто? Рыжий конопатый человечек. Ну никто вообще, и даже труп не как у нормального человека. Мне было интересно посмотреть, что же это за чудовище там лежит?

01:17:23

Там говорят, что и фотографии, и взгляд ретушировали ему, и много работало специальных людей, которые визуально вот этот портрет...

Во время демонстраций показывали фильмы. Там Сталин своим ближайшим на себя показывал и говорил: «Это кто?» Возвеличивать до небес – это же наша русская, российская привычка. Никогда не говорить правду. Люди пользуются этим.

01:18:03

А были ли те люди, которые пытались сбежать перед депортацией или во время переселения?

Некоторые сбежали. В основном остались не те, кто сбежал, а те, кто ушел в горы за дровами, за лесом или скот пас высоко в горах. Они приходят [домой] только раз в одну-две недели. Есть такое село в Чечне – Хайбах. Вы, наверное, знаете про трагедию Хайбаха. Туда свезли людей, которые не могли двигаться, – стариков, женщин, больных, беременных. Их собрали там в конюшне и сожгли. 700 с лишним человек. Была интересная ситуация. У меня был сослуживец в Москве, намного старше меня, по фамилии Громов Сергей. Я тогда вел большие дела по коррупции в Ростове. Он приехал по своим делам и говорит: «Исса, а ты из какого села в Ингушетии? Ты родился на Кавказе?» Я говорю: «Да» – «А когда депортация была, ты был еще там?» – «Да, мне было около трех лет».

01:20:00

А он говорит: «Я был военным следователем, участвовал в депортации вместе с теми войсками, которые выселяли вас. С какого ты села?» – «С Экажева». – «Я был в Экажеве, Кантышево (это село, куда отец привозил мою мать). Я в этих сидел, когда шла операция. Сам не участвовал при выселении, но как военный следователь, если военные совершали преступления, я должен был ими заниматься». «Обрадовал меня», – говорю. А он: «Что же, я военным следователем был, у меня даже осталась полевая карта, которая была при мне тогда». И он мне ее подарил эту топографическую карту, где отмечены населенные пункты. Она у меня дома лежит. Прошли годы, мы на одинаковом должностном положении. Я старший следователь по особо важным делам России, он старший следователь по особо важным делам Союза. На Лубянке в нынешнем центральном здании ФСБ был торжественный вечер, посвященный, по-моему, 40-летию органов прокуратуры. Нас обоих отмечали как лучших следователей Советского Союза. А я смотрел на это здание, уже зрелый человек, полковником я тогда был, и думал: «Ну надо же, спустя 40 лет меня и Громова, который выселял меня в двухлетнем возрасте, называют лучшим следователем Советского Союза в здании, где принималось решение о моей депортации. Вот судьба».

01:22:53

А было такое, что ваше прошлое – депортация – когда-то мешало вам в вашей карьере?

В этом никто никогда не признается, хотя это всегда где-то в душе присутствовало. Я никого не виню. Такова суть человеческая, понимаете. Это сложный вопрос. Мы не можем очиститься от всего этого.

01:23:43

Очень сложная какая-то жизнь. А счастливые какие-то были моменты?

Я счастливый человек, но в детстве нет, уж извините меня. Это была тяжелая жизнь. У меня есть шрам на голове. Это я лазил в ящик, в котором мать когда-то хранила пшеницу, и в стыках досок выковыривал спичкой зернышки пшеницы, чтобы пожарить их и поесть. Я дернулся, а там оказались гвозди. Зерна пшеницы, которые я собирал, чтобы не умереть с голода, – такое не забывается. Сейчас хорошо, когда все в достатке.

01:24:36

Вы родителей часто вспоминаете?

Сейчас я уже приближаюсь к возрасту своих родителей, когда они ушли. Конечно, они прожили сложную жизнь. Помните, я вам говорил про тополя, которые растут на вокзале? 1992 год, осетино-ингушский вооруженный конфликт, тысячи людей, изгнанных из своих домов на территории Осетии, сотни убитых, десятки тысяч домов сожжены. Перед этим меня вызывают из прокуратуры к президенту России и посылают туда его полномочным представителем в новообразованной ингушской республике. Эти столкновения - проблема, родившаяся в связи с депортацией. Территорию ингушей отдали осетинам, ингуши требуют ее вернуть в связи с восстановлением республики, осетины возвращать не хотят, завязалась драка, вмешались российские войска. Хотели дудаевскую проблему решить вот таким образом. Войска оккупировали Ингушетию, и на этой железнодорожной станции, где в 1944 году меня депортировали опять, опять стали ездить БТРы и танки, оцетинившиеся пулеметами. В вагонах тогда сидел Берия, а сейчас - Шахрай и еще генералы. И вот меня как представителя Ельцина приглашают туда для решения текущих проблем. Я, поговорив с этим Шахраем, с этим генералитетом, к вечеру выхожу из вагона, вижу эти четыре тополя и думаю: «Бог ты мой, надо же такому случиться. Когда мне было три года, я лежал под ними, меня отсюда выселяли. Прошло почти 50 лет, я уже генерал, а здесь опять стоят БТРы, опять колючая проволока, опять кровь, опять страдания. Я вообще не умею плакать, а вот слезы накатились, когда я это все вспомнил.

01:28:43

А родители ваши вспоминали про депортацию или как-то эта тема?...

Что вспоминать? То, что они говорили, мы уже все это понимали, при нас же все происходило. Последствия депортации для ингушского народа по сегодняшний день остаются почти такими же актуальными, как и в период депортации.